

МЕНДЕЛЕЕВЦЫ

ГАЗЕТА РУССКОГО ХИМИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА им. Д.И. МЕНДЕЛЕЕВА
№ 14 (1978) + июль 1995 г. + Издаётся с 1929 г. Цена свободная

СТЯХИ.

ВЫШАГАННЫЕ ДОРОГАМИ

Именно так, непривычно для говорящих и европейских языках (многие, кто знает грамматические возможности языков Востока, поймут этот оборот сразу же), мне хотелось бы назвать это предисловие.

МЕНДЕЛЕЕВЦЫ продолжает начатый весной выпуск своих ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРИЛОЖЕНИЙ. Первым был понравившийся и быстро разошедшийся и в университете, и за его пределами МАСЛЕНИЧНЫЙ СБОРНИК - 1995, за которым, мы надеемся, последует еще немало разнообразных публикаций, некоторые из которых уже подготовлены или готовятся. Мы напишем о художниках Наталье Барботченко и Дмитрие Гордееве, будут еще стихотворные сборники, напечатает мы и несколько детективных рассказов, написанных еще неизвестным в этом качестве автором. Ну а на этих страницах - слово поэту Вениамину Грузинову, творчество которого, давно достойно стать известным самому широкому кругу любителей рифм и гитарных струн, звучащих из глубины души.

Вениамин Грузинов - давний и активный участник ДВИЖЕНИЯ ДОБРОВОЛЬНЫХ ПОМОЩНИКОВ РЕСТАВРАТОРОВ, в кругу лучшей из групп которого - в РОЖДЕСТВЕНКЕ - впервые зазвучали его стихи-песни. РОЖДЕСТВЕНЦЫ - самые непоседы из добровольцев: их непрестанно манят к себе забытые и затерянные вдали от "цивилизации" усадьбы, монастыри и храмы, просто просторы и красоты родной земли. На электричках и лыжах, на велосипедах и "на своих двух" где только они не побывали! Все Подмосковье и ближайшие области, Псков, Новгород, Смоленск, Петербург, Валаам, Соловки пройдены буквально вдоль и поперек, сотни слайдов и фотографий, десятки кинофильмов остаются зримой памятью об исследованиях и трудах на памятниках многовекового прошлого этих краев. А еще эти походы вызвали к жизни стихи, звучащие на привалах и в электричках, а рождавшиеся на ходу, под ритм шагов или оборотов педалей - и лишь проверенные дорогами, они затвердели в памяти и ложились на бумагу.

Песен дорогами вдохновлено превеликое множество: но человечны, соизмеримы с человеком, лишь те из них, когда по этим дорогам идут люди, когда эти дороги существуют ради идущих по ним людей, создающих на этих дорогах самих себя, свой внутренний мир, свою дружбу, свою любовь. Таковы для Поэта стали дороги РОЖДЕСТВЕНКИ, хотя с дорогой и бездорожьем он - землепроходец по профессии - знаком буквально всю жизнь, и любая из них была бы благодатью для художника. Но поэзия - не живопись, она не фиксирует для ума, она летит от души к душе.

РОЖДЕСТВЕНКА породила Поэта Вениамина Грузинова - и уже это оправдывает ее существование. Его стихи прозвучали в РОЖДЕСТВЕНКЕ - и оказалось, что они способны жить самостоятельной жизнью, вне тех путей и тех имен, на которых и которым они родились. И пускай теперь они станут песней Вашей души, Ваших дорог и Ваших имен, читатель!

ВЕНИАМИН
ГРУЗИНОВ

стихи

Павел Дейнека

МОСКВА — 1995

Снова лавинные вали,
Снова гул поездов,
Нас с тобой поваял
В край вагетных крестов.

Со столичных бульваров,
Прочь от буланчиных бурь,
С привокзальных базаров
Нас увоят мось.

Путь провозен неблизкий
По сплетеньям дорог,
Пухнут лавинные списки
Припасенного впрок.

За спиной килограмми
И гитара и рюкзак...
И встречают нас храмы
На крутых берегах.

Весь в провалах и впадинах
Древний северный храм -
Остается от ханов
Только плесень и хаос,

Залустенье, разлука,
Захочутье, греха...
Философия бреха -
Оправданье греха.

Белокорье, Понорье,
Двинский северный край -
Для бродяги Разлолье,
Для отшельника Рай.

Кто сила за туманом,
Кто за лавинной дублем,
Кто с аурой карналом -
Просто в Север вляблен.

§ § §

Все по дорогам, все-то скопом,
Спелин-бежин и не поймешь,
Как хорошо бродить по тропам,
Особенно когда влещет

Найти невеликом стезку,
Давно поросших травой,
И напевать там поемножку
Про пльь дороги столбовой.

Давай пройдем заливом Кука,
Закат с бериза погламин.
Пойдем! Поваляйста, дай рюкзак!
Ах нет? Ну что ж, пойду один

Не по дорогам, не галопом,
А в глуть, в ягские глубины...
Как хорошо бродить по тропам,
В особенности олоны.

§ § §

Я читаю причудливой свиток,
Отличая твой почерк, Творец,
В том, что солнцем очень очкток
И закато валунчив часрею.

Игла елей в протяннутых лапах
Преломляют побряк лучей,
И таинственно-приторный запах
Источает лесной благочей.

Ветер вечером ветая качает,
И венчает тропу Иван-чай...
Что за мелоча глаз замечает
Как-то вдруг,

впопыхах,
небаначай.

Встал, облаченный в хлов,
На голубой явон
Он, чтобы в пласк прибор
Вплесть колокольный явон.

Тан постигает странник
Тайну семи колец,
Спрятанных в песчаник,
Как пол янок в лафец.

И выбирает много
Царство лесных теней,
Важнейших тропинки,
Ивестих святых камней.

Так почитали глуть
И приносили к ней
В вертеу ларь и рюкзак,
Личных своих коней.

Конь обратился в камень -
Каменный поставец

- часовик

- вапала

- пламень

Над островом Коневец.

§ § §

Если выпалет снег, пусть закружит февральской пургой,
Чтобы головы наши остывшие снова вскрывать.
Я б и сам не чуялся тогда непогоди такой,
Я и Ван эту участь, быть может, рискнул предать.

Если хлещет вода, пусть потоп поплывет рекой
Сплещет горячь невотгой, чулачь и обилья звать.
Я б и сам не чуялся тогда непогоди такой,
Я и Ван предать бы со мной ее раздать.

Если ляжет туман, пусть наваго наступит покой,
Чтоб в тиши попытаться друг ячга получе понять.
Я б и сам не чуялся тогда непогоди такой,
Я готов разон с Вами любил погоду принять.

§ § §

Осень, россыпь янтаря,
Паутина тонких кружев,
О-синь - просинь - синь-туман,
Рябь в набрякшей хлябье язве.

Еще стуха далека,
И легка еще прохлада,
Твист покрал ольха,
Расточая горький лалан.

Ночь, костер, луна, свеча -
Свет причудливой фактуры...
Освещают три фигуры
Три затейливых луча.

Сев на краешек бревна,
Вот она глядит на дали:
Чулко небо, ночь ливна,
Облаками тучи стали,

Не спит утешь Ока,
Спит неслительная "Кана",
И поведена рука
На два тона Каннельштана,

И луна ее полна
Песней, что тебе известна,
Что сегодня так уместна,
Так единственно верна.

Позабит неказный счет
Приключенья и прегралан,
И вполголоса поет
С ней сестра Ролная Рявом.

На-ва облака луна
Ей роняет свет на прями,
И склоняется она
Над вистом большой тетралы,

Где читаются ева
В полусвете - полумраке
Удивительные знаки
И заветные слова...

Еле теплится костер,
Вот и свечка погорает,
В обрамлении сестер
Кувукант мотив играет.

Ты аккорды полберель...
Знам, зря с плеча не рубишь
И фальшиво не сплешь -
"Если ты живешь и любишь..."

Что сулит нам лет черед,
Что утратим, что обречен?
Так уютно в настоящем,
Что не хочется вперед.

Настоящее - лишь звук.
Ах, как скоро тает звук...
Счастье выпустить из рук
Льшь раскинешь в счастье руки.

Настоящее - черта
Между булущим и прошлым:
Каплей мела мимо рта
Вовлается в дар оплошным.

Но черта времен смутно,
За чертой заперельной
В светлой грусти непопелельной
Вспомнишь ночь ту и котив.

§ § §

-- Я была муар и булель ты муара,
Сонкиет уста молчания печать.
Я знав: у полночного костра
Нам есть о чем с тобой понолчать.

-- Как светил твоего лица черты,
Как стали выразительнее тени.
Я знав, что сейчас позвала ты
И что скабал на ишке растений.

От нашего костра восходит свет,
И освещает он вершини сосен,
Что подсказали правильный ответ,
И "ми ариг аруга ми о чем теперь не спросим".

Оно тепло у нас стесняет грив,
И пламя озвряет наши лица.

-- Я знав,
-- Не сомневалась я ничуть,
Что что-нибудь когда-нибудь случится.

§ § §

Я как пес несмиленный, зачуханный -
Жить с комфортом меня не учи.
Мне милее жглаз этот кухонный
И твой профиль у харкой печи.

Кто ты, страница или палонница?
Виланке от ролного вилья
Что увидится, что прилоннитси
Схвошь гирляндам грибов и белья?

Пара свеч, ря неструганих лавок...
Кто поймет этот выбкии уют,
Ожидать кружку чая воббавок,
За столон, где тихонько поэт.

Как вскипит, и волница распелется,
И в вакат попливут острова...
Что почуватся, что попереджеться,
Гаяля, как логоравт арова?

Отчего-то ночами белесини
Не уснуть в тишине и тепле?
И откула уиктне росани
Появие цветы на столе?

Пил броракши с гозами остулитси,
Все лютнее забвенья буаль.
Что останетси, что позабуветси?
Каждой нелочи искренне даль.

§ § §

Говорят, что сегодня апрель,
Говорят, пробуждаться пора нам,
Говорят, что прихляплет капель
Неизменно на снегу бурьянам.

Чем не повод котню сочинить,
Папу строк набросать между прочим,
Чем не повод друзьям позвонить,
Разбудим их в полпервого ночи?

Говорят, что сегодня апрель,
Говорят, что влюбляться пора нам,
Говорят, что оля параллель
Кружит головы нерилманам.

Чем не повод пойти погулять,
Встать севаками на перекрестке,
Чем не повод сорокан галлеть,
Прикистившись на хрупкой березке?

Говорят, что сегодня апрель,
Говорят, собираться пора нам,
Говорят, расплескал акварель
Дипломисец по веснии полянам.

Чем не повод налететь Рихваки,
Взять билет в нафреленый тарусском,
Чем не повод на берет Оки
Вместе выйти поленовским спуском.

§ § §

В бухте Долгая неслепая дорога,
Бухта Долгая - не Солнечный аман.
Тинет с монастырского порога
Встречный ветер ключьяни туман.

Хоть погода выдалась не очень,
Не кланен ни прояски сульбы,
Разбрелась по краям обочин
Собирает ягоди-грибы.

В бухте Долгая сезон стоит не плядный,
Зато нет комаров и нет москит.
Набегают здесь на камень влажный
Пенных боин селме гр бевки.

В бухте флот танцует налонера,
Выброшен прибоем виноград.
Серо небо, море тоже серо -
Осени такой не казлай рай.

И пейзаж здесь не такой наплавный,
Как об этом говорили мне,
Наредка разластят крик пенный
Чайки в невисокой вышине.

Заросли берез, ольхи, осины
Обрамляют берег бухты гей...
И полуптнный ветер аует в сплнн
Завтра отъезжающих друзей.

§ § §

Случалось мне встречать Рассветов половея,
И так хотелось ичать вслея первому лучу.
Теперь со мной мой конь, в руке моей половея,
И в ва горизонт скачу, скачу, скачу...

Тернист мой долгий путь, безвизно половея
Тот, во меня никен не пройденный маршрут.
Гневой мой, не гони: срьль Рывин и колаобин
Споткнелся, не дай бог, костей не соберут.

А впрочем, что терять, унять ян блазь билию,
Вель нам с тобой мезьян не быть на высоте.
Гневой мой, не томи, гони напропазу:
Неосбрне глаза сверкают в пустоте.

Все окрики мои - лишь сил пустая трата,
Злобанный воздух я глотан на хау.
Мой Тугульмский конь несет меня куда-то,
Не белая кива, не слняая улуу.

§ § §

Еще мороз в ночной лозор
Обходит сонные заставы,
И не забиты во сих пор
Зимы заветные вабавы.

И только комната тесна,
И только снег чуть-чуть синев...
Так начинается весна,
Так незаметно встреча с мев.

Стоит олетими леса
В марья, что им севява вьвага,
Не разластят гороса
Неодлетевших пташек с вга.

Линь, расхробрившись, воробья,
Солисты мартовской вышнн,
Слагают песни о любон,
Чтобы пропеть их воробьяхе.

Они главатам зари,
Они и франты, и заифи,
А мы пускаем плаври,
Нам как акварини - квартирн.

Ближ солнца, бжато бы блесна,
Блеснет сквозь облака обривки -
И настигает нас весна,
И подсекает нас називки.

Вот так случилось как-то раз:
Тетрадь ты старую листала
И менарокон парч фраз
Забитой песни проветрала.

Пусть мне причина неясна
С-оль ранней сутраски птычей,
Но начинается весна
С нечаянной нежности левичей.

§ § §

Эх, было время-времечко, счастливые гола,
Теперь плачу за все свои грехи я.
Кораблик мой, плывущий неведомо куда,
Не залучит хитрейшая стихия!

Рвет ветер переменный тугие пауза,
Крылат вторна вялаший вила остоу,
Как верит обреченный в лямбе чюдеса,
Так тшу себя малехкой встретишь остроу.

Боже милосердней, Отче, дай нам амесь
Самый небольшой кусочек счужа,
Весь покрытый зеленым, абсолютно весь,
Господи, спасите наши души!

Что влать мне от Фортяни, за что мени амесь,
Отстремели в честь мои фанфары
Грехи мои земные - их не искупить.
Знал, что достоин хулей кары.

Когла заврнет на скали напорон вторновни,
Познав сокружительность круженья,
Но с собой оставая, оставаясь чуть живым,
Все свои амьне претрешенья

Боже милосердней...

Буду жить на острове, словно Робинзон,
Полобрать би Пятинцу' или парю,
Про жизнь свою прожитую, как нелепый сон,
Напишу поаробно мемуары.

Напишу-покажся, а потом, как знать,
Повет от Сулабы дождясь улыбки...
Эх,
Будет, что замалчивать, а после вспоминать,
Повторяя прежние обидки.

§ § §

Встанешь ватенно с постели -
Выгляди утро на светелки.
Влянь, впрямилась еля,
Как рождественские елки.

Над ланой, над накушкой,
Над неведомой берлогой
Новогодней игрушкой
Месец светится лузлогой.

Чуть дотронешься - качнется,
И, оставшени в углу,
Месец лодкой обернется,
Чтобы память по небосводу.

Погоди! - Спать награсно -
Успокойся, егоса!
Ночью так хожать опасно.
Лучше ляг, закрой глаза!

Как на скритен путник пеший -
На сучок ева наступит -
И проснется сонный левий,
Брови хмурые насузнут,

Плать зачешет: "Что такое?
Кто некает спать, елолей?
Даже в чаще нет покоя,
Нет спасенья от амлей!"

Как пойлет булить сосела:
"Так и так, прому прошеню,
Здесь, Поталпч, аля обела
Рялон бромит угоденю!"

Не холи на ту опухку
Ти ло утренней зарницю,
Лучше ляг-ка на полухку:
Как уснешь, она приснится.

Там, минуя склон пологий,
В лес спускается дорога,
Месец светится лузлогий.
Дотанься ручкой ло рога!

Чуть коснешься - вийлет Дрена
Зачерпнуть небес ушатом.
Он у везалого парюка
Пребивает проводатим.

Он возьмет тебя с собой,
А куда - потом спой.
Светит месец мал тропов,
Бав-бавшки-бав.

§ § §

Балахончик свой узорный
Истрепал уж осень впросинь:
Бромит в парках беспризорный
Босоногий месец Босень.

Он гоняет паутинки,
Он играет с ними в прятки,
И мелькает по тропинке
Золотые его пятки

У него: мордашка лисья,
Глазки - иголы Рябинки.
Вслед за ним слетают листья
С кленов какном журавлишки.

И влогонку кубиргани
Я влячу ... и грямусь озень,
И ветрамж - сквозняками
Вскружат в вальсе месец Сквозень...

В ярском грине Ардекина
Скрыл свой облик изначальный,
По раскисшим склявским глинкам
Ваааа уйлет Пьеро печальный.

Лух твоих сирью бевлчу
Скроут снежные вачосы,
Ной облезлый аруг левезный
Месец Хлябень мокроносий.

§ § §

Делил со мной волю глоток,
И так же нок, и также мера ты,
Скажи по совести, браток:
К чему нам пройденные версты?

Не разобратьса самому:
Сложить - немалой будет сумма,
Да не положишь их в суму
И не проаешь в толпе у ДУМа.

Есть много правильных статей
Пророков висших категорий,
Готов я логику путей
Проверить лучшей из теорий.

Все подсчитаю, как пелант,
С учетом истин несомненных,
Что Рок стоит в Райах констант,
А вот Улача - в переменных.

Припомни все, определи,
И постараюсь помотивить,
Года с личьями раздели,
Чтоб не дела потон помянуть.

Вот только следует принять
Одну поправку в результате:
Придется все-таки отнять
Все расставания в квадрате.

В конце пути, где плещет Стикс,
Где нас сляжет его течение, -
Величины исконой - Икс
Познаем точное значение.

Вот только верна ли смысл поймен.
В нем скрыт вопрос, нам непосильный:
Зачем живем, зачем поем,
Зачем илел лорогой пыльной?

Когда б моей душе услал везеток,
Чтоб пир горой - не верилось глазам,
Ева бы прыгнула в горести наплеток,
А пил бы только радости балван.

Не оттого ль теперь я стал кула капризней
И научился попусту ворчать,
Что загостился я на празднике жизни
И радость разучился различать?

И надо, чтоб судьба далеко в захолустье
Завросила меня, и холола ская виски,
Чтоб вновь припомнил я и терпкий привкус грусти
И горький вкус безудержной тоски

И там, хлебнув сполна несластного зелья,
Я оценил его целебный дар.
Светлей теперь печаль и радостней веселье,
И бурней соблазнительней нектар.

Попробуй Рассули, нужили расставанья,
Вот скорым повея набирает хол,
А "жизни нет и нет, и нет очарования",
Покуда не истля вина невагол.

§ § §

Кто-то аверь открыл,
невриной
Темно встал у косяка,
А за аверью пантомима
С луновеньем сквожняка:

Пара стареньких квитанций,
Словно пави на балу,
Отплясав в веселом танце,
Распластались на полу.

И все пауа паутина
Пролетела по углам,
Поа кронштейном от картин
Даруг порвалась пополам.

Золотистый вихорь пыли
Вавилса, римылса в просвет
... Только аверь уже закрыли
В лон, где жил один поэт.

§ § §

А на море Белом-белом белые туманы
Не пускают в океаны наши корабли.
И не хочется покидать северные страны,
И не хочется потерять краешек земли

А на море Белом-белом белые баравки
Ветер - пастирь неуемный гонит по волнам.
И швыряет не по делу карбаса-букашки,
И матросские тельняшки справно саушат нам.

А на море Белом-белом белыми ночами
На ветру илел в тумане, там на Соловках,
Три полруги на причале, всеми очами,
Идут белыми платками в помятых руках.

§ § §

Поева в Тучково спешит неспеша,
В окна вбирал пространство декарта,
Каркает ворон сугроб ворова,
В робкув прохолодь раннего марта.

Как не старайся до сути лойти,
Призрачно все это и скоротечно.
Снежные замки? - На Илечной пути.
Лица знакомые? - В повеяе встречной.

Голы в земной свете не сберечь,
Весны и зими пронисются мимо.
Тен и пленают мгновения встреч, -
Тен, что мгновения неуловимы.

Я поларя тебе только аверь нит:
Отблеск костра илел птсвет заката,
В облаке сумрачной солнечной блик
Вспомни я станет светло, как когда-то.

§ § §

Есть она из тех болезней,
Род душевного расстройств:
Для бравады нет болезней,
Чем болезнь такого свойства.

Чуть почует пилгримин
Дух дорожного гурмана -
И тогда необорним
Устремленья армонана

Если с нами ты связался - не Ропки,
На попутчиков, приятель, не сердца,
Где же скатерть тех дорожных-связей,
Как селился им с дороги невзначай?

Надевай Риксак на плечи
И вагай до самой ночи,
Даже если путь далече,
Даже если нету ночи.

Но зато есть в изобилии
Для дорожного гурмана
Слишком вабитие из пыли
И пронзительного тумана.

Если с нами ты связался - не ваиди,
На попутчиков, приятель, не сердца,
Было время наворачивали вы,
Да и ничче согревает лужу чай.

Что их ледит в черном тласе,
Что влечет неукердино,
Доволяя ради цели,
"Наружения Рехима"?

Нету здесь нужнин и деннин,
Веселей вагай, коллега,
Булеви топать - булет меньше
Расстояние до почлета!

Если с нами ты связался - не ворчи,
Что не спать тебе придется до утра,
Было время ночевали на печи,
Да и ничче не заморанен у костра.

§ § §

Мы начитались романтических историй,
И хочется хотя б на полчаса,
Чтоб за пределами прибрежных акваторий,
Блали белели наши паруса.

Мы в тихой гавани плохие квартиры, мы,
Плостров наших невелик багаж,
Но подхлипант нас яхне фанкбистеры,
Готовые идти на абордаж.

И надо ждать Решительной минуты,
Когда задремлет нехотный враг,
И может победит тогда кому-то,
И кто-то совершит внезапный шаг.

Все чаще врен себе, что мы не стари,
Легче плани собственных путей,
Но караулят зоркие корсары
Корветы наших адростных затей.

И тот кто с ними не желал делиться,
При встрече скоро пил свой Распескал,
Когда в разбойничьи он вглядывался лица
И узнавал свой собственный вскал!

Руками нашими разграблены брегаты,
Санки себе саенся без борбей.
Вель им - пираты, кровожадные пираты
С новон у горла собственной судьбы.

§ § §

Пролая мне мальчишескую валошь,
Вивут со мной три женщины моих.
То - Юность моя, Молодость и Старость.
Повенчан с ними, с кажкой из троек?

Мы с Юностью искали искривенья,
Источник первых грех не исчерпав,
И прелавались до измененья
Инохесуу невнижайших забав.
Мы пели и смеялись до упала,
И не смолкали наших голоса.
Я ее в расцветных лебях саал
Целовал в наивные глаза.

А когда мне Молодость явилась,
Тайной исполненья маня,
Юность с ней не сразу примирилась,
Но и не покинула меня.
С Молодостью путь означен свыше,
Не нужни ей громкие слова
Молодость - возвышенной и тисе,
И не так игрива и рева.
Знает, что и с ней бывает грубым,
Что колги придется отлавать,
Земляничкой пахнут ее губы,
Довелось мне их поцеловать.

Что бы ни внял, куда все делось?
Не берет в вешнего тепла.
Оттого расчитавшая Зрелость
Ной порою далеко обовла,
Что инел - не многое осталось,
Поредел архивей старинных книг.
И тогда возмужавшая Старость
Появилась среди моих полруг.
С Юностью, изведанной Разлуку
Схожа - убеждался в том не раз.
И когда ее целую рыхе,
Узнаю я выраженья глаз.

§ § §

Пала-бала, пала-бала,
 Полобьен чуло-волопала,
 Текут-бегут мои гола,
 Куда текут и что ни мало? -

(-- 1 --)
 \ - - /
 ooo
 !

Как плавит такая вода
 Кусочек таинного льда,
 Так я растаю без следа.
 Пала-ба-ла? Пала-ба-ла.

Куда летят мои лета,
 Как пролетело это лето?
 Ваали дорожки, счета,
 В руке пропавшие билеты.

Так жизнь прокнется без следа,
 Так все пройдет и канет в Лету,
 Как тот припев в конце куплета:
 Пала-ба-ла? Пала-ба-ла.

Мои гола - мои листья,
 Уносит ветер листья в осень.
 Так просто и без волшебства:
 И раз и два, в 28.

Лист как лалонь: не был взор,
 Сული слыбу, належалой мехил
 И тешил взор: теперь все - сор,
 Как-буадо жила и буадо не жила.

Как все проходит на Земле,
 Уйму и я вполне счастливей.
 И только мной на стекле
 Слетает взор неприхотливый.

В твоём окне он в холода
 Меня наполнит очертаньем.
 Согрей его своим выханьем.
 Пала-ба-ла? Пала-ба-ла.

! ! !

Я играл вчера
 До семи утра,
 На семи ветрах,
 Ах, ваалпой, вваклес.

Семивастьюем рифм
 Взял за грибу их,
 Уловил на гриф
 И в аккорды сгрёб.

Но невал порой
 Ветро-вой покррой
 Мне к-зупать строй
 Своенравных струн.

Намотался варвар:
 То ли - лявэг, то - виэг,
 То ли - плеск, то - писк,
 Нивкопробный вим.

Коль моя в том власть,
 Так потевусь всласть,
 Всех расставив в насть,
 Да навначу ввук.

Чтоб без лишних фраз,
 По команде: "бас!"
 Враз пускались впляс
 Верной своей свуг...

... Ветер был в голове, ветер был, ветер стих.

Я уснул на траве, не закончив свой стих.

Размечено на типографском листе КСЗНИИ ИУЖИНОЙ.

Издательская версия и Литографское РАДБА ДЕПРЕКИ.

Главный редактор А. В. Беспалов
 Выпускающие редакторы: О. Б. Орлова, Н. Ю. Денисова
 Компьютерная верстка С. А. Романчева

Заседание
 редакционной коллегии
 по четвергам с 15 до 16 часов

Издатель
 Издательский Центр РХТУ им. Д. И. Менделеева

Адрес редакции:
 Миусская пл., 9, Телефон 978-88-57